Сиятельный

Автор:
Павел Корнев

Сиятельный

Павел Николаевич Корнев

Всеблагое электричество #1

В этом мире Средние века были не темными, а кровавыми. В этом мире люди всякий раз замирали от ужаса, когда небосвод затмевали крылья падших. В этом мире наука вернула человечеству свободу, и от океана до океана раскинулась Вторая Империя, империя людей. Воды морей бороздят боевые пароходы, на запасных путях ждут своего часа бронепоезда, а в небесах парят армейские дирижабли, но все же равновесие висит буквально на волоске. Эпоха пара уходит, эра всеблагого электричества только-только берет разбег, поэтому даже самая малость способна низвергнуть мир в пучину хаоса.

Павел Корнев

Сиятельный

Сердце я вырежу сам, сердце отдам тебе!

Филипп Август. бэнд. Ли Тэн

Часть первая

Падший. Титановый клинок и сила воображения

1

Рожденный ползать летать не может? Воистину так!

Люди просто не созданы для полетов. Любой полет обречен закончиться падением, и чем выше взлетаешь, тем плачевней последствия. Вспомнить, к примеру, падших…

Я открыл глаза, сразу зажмурился, но поздно – клок подернутого серой дымкой неба уже завертелся-закружился, создавая иллюзию, будто лежу на спасательном плоту посреди гигантского водоворота. При одной только мысли о необходимости подняться на ноги сделалось дурно, так и остался малодушно валяться посреди смягчившей падение кучи мусора.

Осторожно вздохнул, и ребра немедленно пронзила острая боль. Но когда вздохнул второй раз, неприятные ощущения пошли на убыль, давая понять, что посчастливилось отделаться простым ушибом спины. Ни обломков кирпича, ни осколков бутылок, по счастью, среди принявшего меня в свои объятия хлама не оказалось.

Это радовало. Хотя и не особо, учитывая обстоятельства падения, но все же радовало.

И я вновь открыл глаза.

Мрачные стены домов возвышались со всех сторон глухим колодцем, над ними маячило серое небо, недоброе и хмурое, как и все вокруг. Неожиданно тени сгустились еще больше, и над крышами проплыло брюхо армейского дирижабля с квадратами наглухо задраенных оружейных люков. Мелькнули хвостовые стабилизаторы и киль, сверкнули солнечными отблесками ствольные блоки гатлингов, и вот уже воздушное судно скрылось из виду, будто его и не было вовсе.

Неважно! Вывалился я вовсе не из гондолы этого летающего монстра, нет: в недолгий полет меня отправили из щерившегося осколками окна на втором

этаже.

Хотя, если начистоту, отправили – это громко сказано.

– Леопольд! – эхом прокатился по двору далекий крик. Гулкий топот, и миг спустя уже ближе: – Лео! Проклятье, где ты?!

В арке мелькнули отблески электрического фонаря; яркий луч пробежался по стенам, вильнул в мою сторону и сразу погас. А только глаза вновь начали привыкать к темноте, во двор ступил невысокий констебль в форменном плаще и фуражке, чья крупнокалиберная лупара недобро щерилась дульными срезами счетверенных стволов.

– Убери! – потребовал я, досадливо морщась.

Рамон Миро мгновение помедлил, потом все же передвинул ружье на сгиб локтя левой руки.

– Ты в порядке? – спросил он, настороженно озираясь по сторонам.

– Буду, – ответил я немногословно, но емко.

– Точно? – засомневался черноволосый крепыш, протягивая свободную руку.

Я раздраженно оттолкнул ее в сторону. Собрался с силами, самостоятельно перевалился на бок и даже успел приподняться на одном локте, прежде чем наверху вновь раздался звон разбитого стекла.

В скалящемся осколками оконном проеме возник круглолицый господин средних лет в сером костюме-тройке и столь же неброском котелке. Он рукоятью трости вышиб из рамы еще одну стекляшку, затем посмотрел на меня, и его физиономия приобрела выражение крайней степени неодобрения.

– Где суккуб, Лео? – спросил инспектор Уайт. – Где эта дрянь?

Я повернул голову сначала в одну сторону, затем в другую, оглядев таким образом помойку, в которой валялся, и невесело усмехнулся:

– Ну… здесь ее точно нет, инспектор.

– Детектив-констебль Орсо! – отчеканил Роберт Уайт, давая понять, что шутки сейчас совершенно неуместны. – Отвечайте немедленно, где эта тварь!

– Не знаю, – сознался я тогда. – Просто… На самом деле, мало что помню, после того как меня выкинули из окна.

– Чрезвычайно прискорбное обстоятельство, – поморщился инспектор и скрылся из виду.

Я повалился обратно на спину и обреченно вздохнул, потом взглянул на Рамона и спросил:

– Ну, чего ты пялишься?

Констебль неопределенно хмыкнул и отвернулся. На его невозмутимом, красноватого оттенка лице не отразилось ни тени эмоции, но меня показное безразличие в заблуждение ввести не смогло – разочарование сослуживца ощущалось буквально физически.

Плевать! Еще начальника успокаивать…

Я уселся посреди мусора, и сразу закружилась голова. Не успел еще толком прийти в себя, а уже хлопнула дверь черного хода, и на высоком крыльце показался инспектор Уайт.

– Лео, – необычно мягко произнес он, с брезгливой гримасой оглядывая темный двор, – Лео, какого дьявола тут произошло?

Спешить с ответом я не стал. Сначала поднялся на ноги и за обрезиненный шнур подтянул к себе раздвоенный на конце телескопический электрощуп, после неопределенно пожал плечами.

– Роковое стечение обстоятельств, – заявил, когда затянувшаяся пауза стала совсем уж неприлично длинной.

– Вот как? – хмыкнул инспектор, и его серые глаза выцвели, потеряв остатки и без того блеклых красок.

Сиятельный Роберт Уайт обладал чрезвычайно полезным в нашей работе талантом – он чуял ложь. Не знал наверняка, когда ему лгут, но, подобно обученной ищейке, легко чувствовал сознательное намерение собеседника ввести его в заблуждение. Очень, очень удобный талант достался ему от замаранных кровью падших родителей…

Именно поэтому я даже не стал пытаться юлить и просто поднял руку с электрощупом.

– Слабая искра, – сообщил инспектору.

– Да неужели? – озадачился Роберт Уайт.

В этот момент к нам присоединились два констебля в форменных прорезиненных плащах и с новомодными самозарядными карабинами на изготовку. Коробчатые магазины нелепо торчали вверх, но понимающих людей это обстоятельство нисколько не смущало; в условиях скоротечных перестрелок укороченная винтовка Мадсена – Бьярнова зарекомендовала себя с самой лучшей стороны.

– Проблемы с электрической банкой, думаю, – предположил я, не обращая внимания на скептические взгляды коллег.

– С головой у тебя проблемы, Лео! – немедленно выдал рыжий констебль.

– Джимми, ты не прав! – вступился за меня парень с коричневыми от жевательного табака зубами, но лишь для того, чтобы сразу уточнить свое высказывание: – Просто руки у человека кривые.

Рыжий с довольным видом хохотнул:

– Билли, дружище! Одно другого вовсе не исключает!

– А ведь ты совершенно прав, Джимми! В нашем случае одно другое скорее дополняет!

Я не обиделся; Джимми и Билли – известные хохмачи, им только дай позубоскалить. Но инспектор ждал объяснений, поэтому мысль ткнуть электрощупом залившегося лающим смехом Билли показалась мне удачной вдвойне.

Так и сделал.

Сверкнула ослепительная искра, констебль резво отскочил и потер грудь.

– Совсем спятил? – оскалился он.

– Забудь! – отмахнулся я и повернулся к инспектору. – Говорю же, слабый разряд!

Инфернальные создания чрезвычайно чувствительны к электричеству, но подобный удар совершенно точно не смог бы оглушить ни суккуба, ни любого другого выходца из преисподней.

Роберт Уайт спустился по лестнице, повесил трость на руку и принялся неспешно набивать трубку крепким оттоманским табаком.

– Мог бы с утра не бульварные газетенки почитывать, а заряд проверить! – укорил он меня.

– Да я три раза проверил! Все работало!

– Ну-ка дай, – потребовал тогда инспектор, забрал вытащенную мной из кармана электрическую банку и осмотрел шильдик на донце. – «Электрические машины Депре»? – прочитал он и возмутился: – Лео, где ты откопал эту рухлядь?!

Я ответил чистую правду:

– Получил на складе.

– Проклятье! – выругался инспектор, в сердцах оборвал провода и зашвырнул электрическую банку в кучу мусора. – Лео, мы выслеживали эту тварь две недели! Две недели! И все впустую из-за этого барахла!

– Но…

– Молчи! – потребовал Роберт Уайт и принялся раскуривать трубку. – Рамон! – повысил он голос после нескольких глубоких затяжек. – У тебя в лупаре электрическая банка чьего производства?

Ружье с короткими счетверенными стволами десятого калибра на мануфактуре Хейма и в самом деле снабдили электрическим воспламенителем патронов, поэтому констебль отчитался без запинки, лишь мельком взглянув на разборный приклад:

– «Электрического света Эдисона», инспектор!

– Вот видишь, Лео? – укорил меня начальник. – Запомни на будущее: только «Электрический свет Эдисона» и ничего кроме, да простит меня Тесла!
Ты понял?

– Понял.

– И кстати, чего ради ты сунулся внутрь, не дожидаясь остальных?

– Дверь была открыта. Решил разведать обстановку.

– Ну и как, разведал? – нахмурился инспектор, раздраженно передернул плечами и зашагал со двора. – Идемте! – позвал он нас, но сразу остановился и охлопал себя по карманам: – Джимми, где мои перчатки?

– Не знаю, инспектор, – ответил констебль и ткнул в бок напарника. – Билли, где перчатки инспектора?

– А Билли-то здесь при чем? – огрызнулся тот, озираясь по сторонам.

– Забудьте! – одернул их Роберт Уайт и скрылся в арке.

Джимми и Билли смерили меня недобрыми взглядами и поспешили за начальником; я потер поясницу и поплелся следом, Рамон Миро молча зашагал рядом, приноравливаясь к моему неровному шагу.

Надо сказать, для каталонца констебль был удивительным молчуном. Впрочем, каталонцем он являлся лишь по отцу, мать его происходила из аборигенов Нового Света; не иначе, темпераментом Рамон пошел в свою краснокожую родню.

Вот и когда из-под ног у нас выскочила перепуганная крыса, он лишь наподдал ей носком сапога и спокойно отправился дальше. Я переступил через наваленную в проходе кучу мусора и пригнул голову, чтобы не испачкаться о покрытый сажей потолок арки.

Быть высоким далеко не столь привлекательно, как полагают иные завистливые коротышки, что есть – то есть.

Глухой двор сменился другим, столь же грязным и неприглядным, из него мы попали в безлюдный переулок и остановились в ожидании дальнейших распоряжений инспектора. А тот без всякой спешки выбил о стену дома курительную трубку, выудил из жилетного кармана серебряные часы и в глубокой задумчивости поджал губы.

Пользуясь моментом, я отряхнул от остатков мусора прорезиненный плащ, затем сложил телескопический электрощуп и достал из нагрудного кармана очки с круглыми линзами из затемненного стекла. Нацепил их на нос и только тогда окончательно почувствовал себя в своей тарелке.

В отличие от инспектора, я не любил привлекать внимание обывателей выцветшими до противоестественной светлости глазами. А еще терпеть не мог смотреть собеседнику в глаза. Да и людей не особо жаловал, если уж на то пошло.

Люди меня обыкновенно раздражали своей бестолковостью.

– Возвращаемся в «Ящик»! – решил тут Роберт Уайт и, помахивая тростью неровно и даже нервно, зашагал к ближайшей станции подземки.

Новый Вавилон – удивительный город! Жизнь не замирает в нем ни днем ни ночью, а прекрасное и ужасное столь тесно сплетаются воедино, что с ходу и не отличить одно от другого. И никаких стыков, никаких острых граней, одни лишь оттенки и смазанные полутона.

Старинные дворцы, чья мраморная облицовка давно потемнела из-за наросшей на стены сажи, соседствуют с новостройками, пока еще чистенькими, но типовыми и оттого ущербными изначально. Проспекты, широкие в центре, непонятным образом теряются в переплетениях кривых улочек окраин. Вековые деревья императорского парка шелестят густой листвой, но листья эти сплошь и рядом чахлые и желтые из-за постоянного смога. Лазурная вода гавани накатывает на берег масляными разводами, а бескрайнее небо постоянно затянуто клубами дыма из заводских труб.

И так везде и во всем. Даже гранит площадей красноватый не в силу природной расцветки камня, а из-за намертво въевшейся в него крови падших…

Новый Вавилон, столица Второй Империи; одновременно и сердце государства, и язва, разъедающая его изнутри.

Узенькая улочка с покрытыми копотью стенами домов и редкими квадратами мутных окон вывела нас к перекрестку, и впереди замаячили фабричные трубы, высоченные и увенчанные длинными клубами дыма. По счастью, сегодня ветер относил выбросы в сторону, и воздух в пригороде был не столь задымлен, как обычно.

Вскоре трущобы остались позади, улица расширилась, и стали попадаться курившиеся зловонием промышленных стоков решетки ливневой канализации. Дорога пошла под уклон, а через пару кварталов и вовсе уткнулась в набережную Ярдена. Серебристую ширь воды там сковывал перекинувшийся с одного берега на другой железнодорожный мост; неповоротливые буксиры и баржи казались на фоне его опор игрушечными корабликами, да и дрейфовавший к порту грузовой дирижабль размерами в сравнении не поражал.

– Поспешим! – поторопил нас инспектор.

Я приложил ко лбу ладонь, заметил медленно ползшую в нашу сторону полоску дыма и прибавил шаг, торопясь за остальными.

Под стук набоек по брусчатке набережной мы прошествовали к железнодорожной станции и прошли за ограду, беспрепятственно миновав билетные кассы с их нескончаемыми очередями. На платформе оказалось не протолкнуться от рабочих окрестных фабрик, но дорогу вооруженному до зубов отряду чумазые пролетарии освобождали без лишних понуканий.

Послышался мощный гудок, под навес вкатилась окутанная клубами белого пара махина паровоза, и помещение моментально заполнил вырывавшийся из его трубы дым; залязгал металл, заскрипели тормоза. Поезд остановился, пассажиры хлынули на перрон, тесня подступающий им на встречу рабочий люд, что разъезжался после ночной смены по домам.

Инспектор толкаться с чернью не захотел и решительно шагнул в вагон первого класса; зашли вслед за начальником и мы. На входе Роберт Уайт тростью отодвинул с дороги опешившего от подобного обхождения кондуктора и с невозмутимым видом уселся у окна. Остальным занимать сидячие места не полагалось, но и так служителя подземки едва не хватил удар, а почтенная публика косилась на нас с едва сдерживаемым возмущением.

Раздалось два коротких гудка, вагон вздрогнул, и за окнами, понемногу ускоряя свой бег, замелькали столбы и унылые заборы. Вскоре пути нырнули в тоннель, и поезд помчался под землей, оставив сутолоку улиц со всеми их лихачами-извозчиками и ротозеями-пешеходами где-то далеко-далеко наверху. Теперь состав летел на всех парах, нас нещадно раскачивало, и приходилось не только цепляться за поручень, но и крепко стискивать спинку ближайшего сиденья.

Через несколько минут паровоз замедлил ход и под оглушительный гудок выкатился из тоннеля к перрону подземной станции, освещенной лишь неровным огнем газовых рожков. Кто-то вышел, кто-то зашел, и мы помчались дальше.

Подземка – великая вещь! Ни паровики, ни даже новомодные самоходные коляски с ней сравниться не могут. Вот только дымом несет – дышать невозможно…

Через три станции мы покинули поезд и поднялись на улицу. Громада Ньютон-Маркта высилась на противоположной стороне площади, но инспектор лишь досадливо глянул на мраморные колонны портика и зашагал в противоположном направлении.

– Надо промочить горло, – пробурчал он, спиной почуяв наши вопросительные взгляды.

Возражать никто не стал.

Да и с чего бы? После столь оглушительного фиаско возвращаться в «Ящик», как с легкой руки неизвестного жулика повсеместно называли штаб-квартиру полиции, не хотелось совершенно. Тем более мне.

Промочить горло традиционно отправились в «Винт Архимеда» – небольшое питейное заведение, отличавшееся огромным выбором фламандского пива и преимущественно полицейской аудиторией.

– Покупайте утренний выпуск! – надрывал у его дверей осипшее горло парнишка с толстенной стопкой газет. – Напряженность в Иудейском море! Очередной демарш в Александрии! Покупайте! Только в субботнем номере! Раскол в рядах «Всеблагого электричества»! Тесла против Эдисона! Большая статья!

Роберт Уайт кинул мальчонке монету в десять сантимов, забрал выпуск «Атлантического телеграфа» и прошел в бар.

– Привет, Алмер! – поздоровался он с тучным хозяином за стойкой и уселся на свое неизменное место у окна. – Как обычно.

Толстый фламандец выставил перед инспектором графинчик с красным портвейном, после налил по кружке светлого Джимми и Билли, и те уединились в дальнем углу с выпивкой, тарелкой хлеба и нарезанным на ломтики острым свиным паштетом.

Когда Рамон Миро отошел со стаканом белого вина, которое пил изрядно разбавленным содовой, я уселся на высокий стул и облокотился о стойку.

– Лимонад? – вздохнул владелец заведения.

– Лимонад, – подтвердил я, без особого интереса разглядывая батарею пивных бутылок с цветастыми этикетками и пробками, прикрученными к горлышкам прочным шпагатом, а то и дополнительно залитыми сургучом.

– Ох уж мне эта мода! – покачал головой Алмер. – Скоро пиво с лимонадом пить начнут!

– Вот уж даром не надо, – усмехнулся я в ответ.

– Начнут, помяни мое слово! – уверенно заявил владелец заведения и отправился на ледник. Вскоре он вернулся и выставил передо мной запотевший кувшин с лимонадом, в котором весело позвякивали кусочки льда.

Я наполнил высокий стакан, сделал несколько глотков и кивнул:

– Отлично!

Алмер воспринял похвалу как должное и принялся протирать полотенцем одну из пивных кружек.

– Не припомню, чтобы ты когда-нибудь заказывал выпивку, – произнес он, не прекращая своего занятия.

– Все верно, не заказывал, – подтвердил я.

– Удивительно.

– Почему же? Обычное дело, как по мне.

– Для помешанного на морали механиста – да, – с усмешкой произнес фламандец, – но проще встретить благочестивую шлюху, чем непьющего констебля.

– Из-за алкоголя у меня проблемы со сном, – объяснил я свое непринятие выпивки, не особо покривив при этом душой.

Владелец заведения гулко расхохотался:

– Скольких твоих коллег смутила бы подобная мелочь?

Я только плечами пожал, не собираясь оспаривать это утверждение. Если начистоту – и сам знавал людей, помешать напиться которым мог лишь выстрел в голову, желательно из крупнокалиберного ружья.

Впрочем, общение с подвыпившими сослуживцами не вызывало у меня ровным счетом никакого отторжения, ведь пьяные зачастую даже более честны в своих суждениях и открыты. Раз алкоголь позволяет людям хоть на время позабыть о собственных страхах, кто я такой, чтобы их осуждать?

Взяв кувшин с лимонадом, я соскользнул со стула, намереваясь присоединиться к Рамону, но меня вдруг окликнул листавший газету инспектор.

– Леопольд! – произнес он, отрываясь от чтения. – Не составишь мне компанию?

Проклятье! Этого еще только не хватало!

Я мысленно выругался, без особой спешки подошел к столу и уселся напротив начальника, а когда наполнил лимонадом стакан, Роберт Уайт повертел пальцами у себя перед лицом и попросил:

– Сними очки, пожалуйста.

Выполнив распоряжение, я подышал на черные круглые линзы, протер их льняной тряпочкой и отложил на край стола. Затем отпил лимонада и перевел взгляд на пришпиленный к стене чертеж винта Архимеда, один из многих.

– Ты ведь никогда не смотришь людям в глаза, Лео? – неожиданно спросил инспектор. – Так?

– Как правило, не смотрю, – подтвердил я и повернулся от пожелтевшего рисунка к собеседнику. Оценил покрой пошитого на заказ костюма, идеальную прическу, затейливый рисунок шелкового шейного платка.

В глаза смотреть не стал.

Меж бровей инспектора залегла тяжелая морщина, он отпил крепленого красного вина, промокнул узкие бледные губы салфеткой и только после этого негромко произнес:

– Я знаю о твоем таланте, сиятельный. Наверное, нелегко видеть в глазах людей один лишь страх?

– Приятного мало, – подтвердил я. – Посмотреть в глаза – все равно что забраться человеку в душу. Предпочитаю… сохранять дистанцию.

– Со мной у тебя такой номер не пройдет.

– Сохранить дистанцию? – пошутил я.

– Залезть в душу, – на полном серьезе ответил Роберт Уайт, потер подбородок и задумчиво промолвил: – Предполагалось, твой талант будет несколько более полезен в нашей работе…

Более полезен? Слова эти меня откровенно покоробили.

Нет, мой талант мог и в самом деле приносить больше пользы в работе, вот только я терпеть не мог копаться в чужих страхах, позволять им забираться в собственную голову и воплощаться в жизнь. Пусть это и давалось без особого труда, но всякий раз в итоге я чувствовал себя извалявшимся в грязи.

Впрочем, не о моей тонкой душевной организации речь…

– Инспектор! – встрепенулся я. – С суккубом…

– Послушай меня, Леопольд! – стукнул Роберт пальцами по краю стола, призывая к молчанию. – Не в суккубе дело! Просто ты не справляешься! Не вытягиваешь!

Не умеешь и не хочешь работать с людьми, а в нашей работе это – залог успеха. Зачем ты вообще пошел служить в полицию? Тебе бы библиотекарем работать!

– Надо же как-то оплачивать счета, – привычно отделался я полуправдой.

Если инспектор и уловил недосказанность, то заострять на этом внимание не стал.

– Но ладно люди! – поморщился он, переходя к главному. – Город набит жульем, будто бочка селедкой, и аресты воров, грабителей и убийц давно стали обыденностью. Сепаратисты и анархо-христиане? Вся эта беспокойная братия тоже мало кого интересует. И даже за поимку египетского агента главный инспектор мне разве что руку пожмет. А вот инфернальные твари – это серьезно! Такие дела попадают на первые полосы газет. Мы выслеживали суккуба две недели, Лео. На две недели забросили все остальные дела! И все пошло прахом. Из-за тебя.

Оправдываться было по меньшей мере глупо, поэтому я молча уставился в стакан и побренчал плававшими в лимонаде кусочками льда.

– Совпадение, подумал я! – продолжил инспектор разнос. – Простое совпадение! Но читаю газету и понимаю: нет, не совпадение. Решительно, Лео, от тебя сплошные неприятности.

– В смысле? – озадачился я, сбитый с толку неожиданным поворотом.

Роберт Уайт подвинул через стол утренний выпуск «Атлантического телеграфа» и подсказал:

– «Светская хроника».

Я взглянул на указанный заголовок, страдальчески сморщился, но все же прочитал всю статью целиком и только после этого выдохнул:

– Вот зараза…

Роберт Уайт забрал газету, встряхнул, расправляя, и прочитал:

– «Известный столичный поэт Альберт Брандт в разговоре с нашим корреспондентом упомянул, что по просьбе своего хорошего друга, виконта Круса, написал стихотворное посвящение его возлюбленной, сиятельной Елизавете-Марии Н.». – Инспектор припечатал газету ладонью к столу и ожег меня гневным взглядом. – Ну, виконт Крус, как думаешь, что сделает с тобой после прочтения этой заметки отец сиятельной Елизаветы-Марии Н.?

– Погодите! – вскинулся я. – Вы все не так поняли!

– Разве? – скептически скривился инспектор. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о ком идет речь. Светлоокая, рыжеволосая Елизавета-Мария Н.! Ты много знаешь таких? Я – только одну! И это – дочь главного инспектора фон Нальца! Проклятье! Старик застал падших! Поговаривают, он был вымазан в их крови с головы до ног! И сейчас он изо всех сил хлопочет, чтобы выдать свою ненаглядную доченьку за племянника министра юстиции. Если партия расстроится из-за вот этой заметки…

– Все не так…

– Все так! – нахмурился Роберт Уайт. – Если партия расстроится, старик вызовет тебя на дуэль и убьет. Для него это не впервой. И знаешь, Лео, он будет в своем праве. – Инспектор допил портвейн и откинулся на спинку стула. – Лично я с превеликим удовольствием умыл бы руки, вот только на моей карьере этот инцидент скажется самым прискорбным образом.

– Это простое совпадение, – упрямо повторил я. – Никакого отношения…

– Перестань! – рявкнул начальник. – Оправданиями ничего не изменить. К полудню о твоем романе с дочерью главного инспектора будут знать даже полотеры. Старик и слушать ничего не станет!

– Я могу…

– Ничего ты не можешь, – отрезал инспектор, но сразу прищелкнул пальцами. – Нет, можешь! Исчезни на неделю, а лучше на две. Оружие сдай, на службу не выходи. Потом решим, как быть.

Это «решим, как быть» не понравилось мне категорически, но любая попытка переубедить начальника была изначально обречена на провал. Для себя он уже все решил. Во рту появилась неприятная кислинка, глаза защипало от несправедливости бытия.

Альберт! Какая же ты сволочь! Ну кто тебя за язык только тянул?

– Исчезни, – приказал инспектор и отгородился от меня газетой.

Я спешить с выполнением этого распоряжения не стал, очень уж неприятно было ощущать себя побитой собакой. В жалкой попытке сохранить последние крохи достоинства сначала допил лимонад и только потом поднялся из-за стола и снял с вешалки прорезиненный плащ.

– Алмер, запиши на мой счет, – попросил я владельца заведения.

– Уже, – подтвердил ушлый фламандец, который знал даты выплаты жалованья рядовому составу полиции ничуть не хуже нашего кассира.

На прощание махнув всем рукой, я вышел на улицу, глянул на небо, по которому плыли то ли куцые облака, то ли обрывки дыма из фабричных труб, и обреченно выругался. Затем привычным движением нацепил на нос темные очки и зашагал в сторону Ньютон-Маркта.

Сдам оружие, заодно и переоденусь.

Хотя, в отличие от рядовых сотрудников полиции, мне как детективу-констеблю и не было нужды ходить на службу в форменном мундире, я этой привилегией обычно не злоупотреблял. На чистку и починку личной одежды средства не выделялись, а лишних денег у виконта Круса давно уже не водилось.

В карманах виконта Круса гулял ветер, дом был перезаложен три раза, и лишь унаследованный от деда по материнской линии фонд позволял смотреть в будущее с осторожным оптимизмом.

Почему с осторожным? Да просто нынешний распорядитель фонда, мой дядя, граф Ко?сице, вовсе не горел желанием расставаться с двадцатью тысячами

франков годового дохода и всячески затягивал процедуру моего вступления в права наследования. Двадцать один год мне исполнился еще в прошлом месяце, но поверенные за это время даже не составили реестра активов, не говоря уже о передаточных ведомостях. И сколько эта запутанная процедура еще протянется – совершенно непонятно. Не думаю, что дядя доведет дело до судебных тяжб, но остальных «прелестей» раздела наследства точно не избежать.

С другой стороны – что мне деньги? Тут бы головы не лишиться…

2

В Ньютон-Маркт – занимавшее целый квартал здание полицейской штаб-квартиры – я прошел с задов, через служебный вход. Пропустил броневик, что под размеренные хлопки порохового двигателя выехал из ворот гаража и неспешно покатил по переулку, огляделся по сторонам и взбежал на крыльцо. Уверенно распахнул дверь, на ходу кивнул сонному караульному и пустынными коридорами прошел в оружейную комнату.

Там вручил сержанту электрощуп и достал из кармана электрическую банку, завернутую в утренний номер «Атлантического телеграфа». Смятую газету выкинул в мусорное ведро, увесистый накопитель передал смотрителю арсенала.

– Электрощуп, одна штука, – сделал тот отметку в журнале регистрации, – электрическая банка Эдисона, одна штука… – И сразу встрепенулся: – А вторая где? Производства Депре?

– Пиши в безвозвратные потери.

– Это еще с какой стати?

– Все вопросы – к инспектору Уайту.

– Ладно, разберемся, – нахмурился сержант и вновь макнул в чернильницу железное перо.

Я отошел к столу в дальнем углу и выложил на него две снаряженные обоймы, потом вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и за выступавшую из титановой ствольной коробки головку до упора отвел затвор. Когда тот встал на задержку, нажал кнопку выброса патронов, собрал вылетевшие на стол боеприпасы в пустую обойму и вернулся к сержанту.

– Самозарядный пистолет Рот-Штейр, модель восемнадцать – семьдесят четыре, одна штука, – монотонно пробурчал тот, – патроны калибра восемь миллиметров, тридцать штук. Все?

– Все, – подтвердил я и отправился в раздевалку, где не оказалось ни одной живой души.

Оно и понятно – самый разгар смены, нашим еще до самого вечера улицу топтать.

Я отпер шкафчик и с определенной долей облегчения избавился от плаща, мундира и сапог. Переоделся в светлый полотняный костюм и легкие штиблеты, повязал шейный платок, перед зеркалом пригладил расческой волосы. Напоследок придирчиво оглядел свое отражение и надел темные очки.

К черту! К черту все переживания! Надо жить настоящим.

Переложив из мундира керосиновую зажигалку и складной нож с титановым клинком, я немного поколебался, но все же прицепил на пояс кобуру с «Цербером», пистолетом плоским и компактным, а в карман пиджака сунул запасную кассету на три десятимиллиметровых патрона.

Стволами в этом образчике оружейного гения Теслы выступали закрепленные в съемном блоке гильзы, поэтому кучностью «Цербер» отличался, прямо скажем, неважной, зато при стрельбе на небольшую дистанцию был просто незаменим. Благодаря наличию электрического воспламенителя порохового заряда и алюминиевой оболочке пуль, он позволял уверенно поражать и малефиков, и выходцев из преисподней. Обычное оружие в силу конструктивных особенностей для этого годилось мало: за долгие века нечисть сумела выработать неуязвимость к железу, меди и даже свинцу, а опытные заклинатели гасили искру пробитого капсюля и выводили из строя сложный ударно-спусковой механизм самозарядного оружия буквально одним щелчком пальца.

Да и переклинившие револьверы в подобных обстоятельствах редкостью вовсе не являлись.

Другое дело – «Цербер»! Электрическая банка и полное отсутствие подвижных деталей не оставляли шансов предотвратить выстрел ни малефику, ни инфернальному созданию. К тому же по сравнению с килограммовым «Рот-Штейром» этот пистолет почти ничего не весил.

Я взял с верхней полки шкафчика светло-серый котелок, запер дверцу и вышел из раздевалки. Вышел – и немедленно наткнулся на незнакомого седоусого сержанта, которого сопровождали два дежурных констебля.

– Детектив-констебль Орсо, – с ходу заявил сержант, – следуйте за мной! Вас желает видеть главный инспектор.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я сделал глубокий вздох в не очень удачной попытке успокоиться.

Опытный служака уловил эту непонятную заминку и озадаченно уточнил:

– Вы идете, детектив-констебль?

– Разумеется! – Я не без труда выдавил из себя кислую улыбку и уже уверенней повторил: – Разумеется!

Сержант кивнул и направился к лестнице, а вот констебли сначала пропустили меня вперед и лишь после этого двинулись следом, заставив столь бесхитростным маневром выбросить из головы мысль о бегстве, паническую и постыдную.

Успокойся!

Ты ведь ожидал этого? Ведь ожидал?

Да, черт побери, ожидал! Ожидал, но не так скоро. Старик, вероятно, дьявольски зол, если отправил кого-то караулить мое возвращение.

Сиятельный Фридрих фон Нальц был стар, но не дряхл. Семь десятков лет не ослабили его, а, напротив, закалили; главный инспектор походил на крепкое сосновое корневище. И глаза… глубоко запавшие глаза светились в полумраке двумя злыми огоньками, словно отблески свечи в прорезях морщинистого тыквенного фонаря.

Удивительное долголетие, просто поразительное. Большинство тех, кого окропила кровь падших, давно покинули этот мир, ведь случилась Ночь титановых ножей пятьдесят три года назад – в декабре тысяча восемьсот двадцать четвертого года от Кары Небесной или, как теперь принято говорить, новой эры.

Несмотря на преклонные года, сиятельный фон Нальц не только руководил полицией метрополии, но и состоял в дюжине клубов и благотворительных обществ, а каждое утро, демонстрируя завидную работоспособность, начинал с изучения свежей прессы. Вот и сейчас на его столе возвышалась целая стопка газет, но хозяин кабинета ожидаемо остановил свой выбор именно на «Атлантическом телеграфе».

Проклятье! Ну кто просил Альберта распускать свой длинный язык!

При моем появлении Фридрих фон Нальц оторвался от газеты и растянул губы в некоем подобии улыбки.

– Виконт Крус! Не имел чести лично знать вас раньше…

Я в ответ лишь склонил голову.

Старик поправил обшлаг черного мундира, из которого торчало сухонькое запястье – словно объеденная падальщиками кость, – и спросил:

– Вы знакомы с моей дочерью, виконт?

– Был представлен на осеннем балу, – ответил я, обмирая от ужаса.

В кабинете враз стало жарко и душно. И дело было вовсе не в камине – его сегодня не топили. Горячий воздух волнами расходился от сидевшего за столом

старика. То проявлялся талант сиятельного, и мне вовсе не хотелось становиться целью его приложения. Пару лет назад довелось лицезреть ссохшуюся мумию, оставшуюся от покушавшегося на главного инспектора анархиста, так от вида заживо запеченного человека потом мутило до конца дня.

– Были представлены на балу – и только? – уточнил сиятельный фон Нальц, никак внешне не выказывая клокотавшей в нем ярости.

– И только, – подтвердил я, старательно не смотря на собеседника.

Смотреть на него было просто-напросто страшно.

Но тут старик вдруг рассмеялся, смял газету и кинул ее в корзину для бумаг.

– Знаете, виконт, я вам верю. Безоговорочно, – удивил меня главный инспектор неожиданным заявлением. – Просто я слишком хорошо знаю свою дочь. Елизавета-Мария никогда бы не связалась с подобным… – Он брезгливо поморщился и откинулся на спинку высокого кресла. – Неважно! Важно, что с подачи болтливого рифмоплета пойдут слухи. А этого я так оставить не могу…

– Главный инспектор! – попытался я оправдаться. – Речь идет о другой Елизавете-Марии! Не о вашей дочери! Это простое совпадение!

Но Фридрих фон Нальц только покачал головой, и до меня вновь долетело дуновение призрачного жара.

– Виконт! Я могу представить вас в роли тайного воздыхателя, но никак не в роли героя-любовника, – с холодной безжалостностью отрезал старик. – Не опускайтесь до столь откровенной лжи.

– Мою невесту зовут Елизавета-Мария Никли, она из Ирландии. Ее родители приходятся родней бабушке по материнской линии. Я собираюсь представить ее на завтрашнем балу.

Главный инспектор задумался, будто решая сложную шараду, потом кивнул.

– Это было бы неплохо, – произнес он медленно и отстраненно, но сразу яростно сверкнул глазами. – Только учтите, виконт, если притащите с собой какую-нибудь дешевую актриску и опозорите мою дочь, я лично уничтожу вас, лично! Я заставлю вашу кровь закипеть в жилах и сварю вас заживо!

– Уверяю, главный инспектор, до этого не дойдет!

– Если стихотворное посвящение и в самом деле предназначено моей дочери, лучше сознайтесь прямо здесь и сейчас, – продолжил сиятельный фон Нальц уже абсолютно спокойно. – В этом случае мне придется вызвать вас на дуэль, но хоть умрете с достоинством. И не столь мучительно…

– Не стоит…

– Можете, разумеется, скрыться, но не советую, не советую. Очень не советую.

– Даже и в мыслях не было!

– Сгиньте с глаз моих, – проскрипел тогда хозяин кабинета, заканчивая аудиенцию.

Я незамедлительно выскочил в приемную, и воздух там показался просто ледяным. По спине немедленно заструился холодный пот, я кое-как успокоил сбившееся дыхание и спустился на первый этаж, но прежде чем успел распахнуть входную дверь, меня окликнули.

– Детектив-констебль!

Вздрогнув от неожиданности, я обернулся к дежурному, который выбрался из-за конторки с каким-то конвертом в руке.

– Вам корреспонденция! – сообщил констебль.

Я забрал непонятное послание, кивнул:

– Благодарю, – и вышел в отгороженный колоннадой портика двор, где подсобные рабочие без особого успеха пытались смыть наросшую за зиму

копоть с белого мрамора статуи Фемиды.

С тяжелым вздохом я опустился на одну из расставленных вокруг фонтана скамей и осмотрел конверт из плотной бумаги с указанием одного лишь моего имени, без адреса, почтовых марок и упоминания отправителя. Недоуменно хмыкнув, достал из кармана складной нож, вспорол им клапан и вытряхнул на ладонь лаконичное приглашение посетить Банкирский дом Витштейна для обсуждения вопроса о вступлении в права наследования.

Я перечитал письмо два раза и недоуменно нахмурился. Поверенный за прошедший месяц так и не сумел добиться от дяди никаких бумаг по отходящему мне фонду, с чего бы тому форсировать события по собственной инициативе? И какое отношение к наследству имеет Банкирский дом Витштейна? Род Ко?сице иудеев никогда особо не жаловал.

Взглянув на массивный хронометр, новомодный – наручный, я решил, что успею посетить Банкирский дом, прежде чем тот закроется на обеденный перерыв, а не успею – ничего страшного, подожду. Никаких неотложных дел на сегодня запланировано не было.

Сунув конверт в карман пиджака, я вышел со двора полицейской штаб-квартиры и без лишней спешки зашагал по Ньютонстраат в направлении площади Ома.

Для начала апреля денек выдался на редкость знойным, и зависшее над крышами домов солнце вовсю прожаривало город, будто брошенный на сковородку стейк. Даже клубившиеся на горизонте тучки не могли гарантировать скорого наступления вечерней прохлады; скорее всего, их просто развеет над океаном.

Прячась от духоты, я свернул на аллею платанов и зашагал дальше в тени деревьев. Минут через пять вышел к площади Ома, заскочил на заднюю площадку нещадно дымившего паровика и едва успел ухватиться за поручень, когда на повороте железные колеса звякнули на стыках рельсов и вагон ощутимо качнуло.

За окнами с черепашьей скоростью проплывали здания, в открытую дверь то и дело врывались клубы дыма, и тогда нестерпимо щипало глаза. О скоростях подземки не приходилось даже мечтать; да я и не мечтал – от ближайшей

станции подземной железной дороги до иудейского квартала пришлось бы пробираться по узеньким запутанным улочкам старого города никак не меньше четверти часа.

И какой смысл?

Понемногу город начал меняться. Многоэтажные новостройки остались позади, вдоль сузившейся дороги стали тесниться обветшалые доходные дома и конторские здания с покатыми крышами. Между ними – узенькие сырые переулочки. А паровик все катил себе и катил.

Извозчики посматривали на набившихся в вагон пассажиров с нескрываемым неодобрением, лошади чихали и трясли головами, когда их накрывал шлейф стелившегося за вагоном дыма. Несколько раз нас обгоняли открытые самоходные коляски с шоферами в гогглах на пол-лица, кожаных тужурках и крагах. Коляски сразу уносились вдаль, но по улице еще долго разносилось громкое стрекотание пороховых двигателей.

На проспекте Менделеева я выскочил из паровика и свернул с тротуара в проход меж двух домов, обшарпанных и неухоженных, с узенькими окошками на уровне второго этажа. Немного поплутал по задворкам и вскоре вышел на широкую улицу, ближайшее строение которой щеголяло свежей табличкой: «Улица Михельсона».

Первые этажи солидных каменных особняков занимали магазины и лавки, но все как одна витрины сейчас были закрыты глухими ставнями, как если бы на дворе стояла ночь. Более того – одна из самых оживленных торговых улиц иудейского района словно вымерла. Прошел целый квартал, а на глаза не попалось ни единой живой души!

Лишь на углу рядом с цирюльней неподвижно замерла длинная фигура в черном долгополом сюртуке и такой же шляпе.

Скользнув взглядом по бесстрастному лицу, обрамленному пейсами и бородой, я поднялся на крыльцо стоящего наособицу трехэтажного здания с солидной вывеской «Банкирский дом Витштейна» и потянул на себя дверную ручку.

Та не поддалась. Толкнул – и так заперто.

Тогда я несколько раз стукнул молоточком по железной пластине, выждал пару минут и вновь потянулся за колотушкой, но вдруг замер, пораженный неожиданной догадкой.

«Суббота! – хлопнул себя ладонью по лбу. – Сегодня суббота!»

Шаббат!

В нашем просвещенном обществе косо смотрели на любые проявления религиозных воззрений и без жалости искореняли весь этот мистицизм, но ортодоксальные иудеи стойко сносили беспрестанные нападки механистов. Впрочем, до претворения угроз в жизнь дело обычно не доходило: финансовая состоятельность общины позволяла своевременно смазывать нужные колеса государственного аппарата, и разговоры о погромах оставались всего лишь разговорами.

Пусть наука целиком и полностью вытеснила религию из жизни общества, но власть предержащие обладали здоровым прагматизмом и свято блюли принцип «кесарю кесарево». Деньги – это кровь империи, все остальное вторично.

Я достал из кармана жестянку с леденцами и закинул в рот первый попавшийся.

Итак, сегодня суббота; сегодня Банкирский дом закрыт, завтра тоже. Воскресенье – официальный выходной.

Досадно.

В этот момент через перекресток со скрипом прокатила крытая повозка. Возница в надвинутой на глаза кепке подогнал ломовозов к цирюльне, и долговязый иудей поспешил открыть ворота заднего двора. А стоило только телеге скрыться в проезде, столь же торопливо их закрыл.

Очень интересно.

Я озадаченно огляделся по сторонам, затем утопил кнопку наручного хронометра, запуская отсчет времени, и закинул в рот очередной леденец.

Подождем…

Телега выкатила на улицу через двадцать минуту, и тянули ее теперь ломовозы не столь легко, как раньше, а на брусчатке позади оставался явственный пыльный след. Долговязый иудей прикрыл ворота и попытался отпереть входную дверь цирюльни, но ключ никак не желал проворачиваться в замке; ему даже пришлось стянуть плотные брезентовые перчатки и зажать их под мышкой.

Тогда я отправил в рот очередной леденец, сунул жестянку в боковой карман пиджака и зашагал через дорогу.

– Уважаемый! – окрикнул иудея, встав посреди проезжей части.

Долговязый обернулся, окинул меня обеспокоенным взглядом и просипел:

– Закрыто!

– И не надо! Где здесь станция подземки?

– Там, – махнул долговязый цирюльник вдоль улицы левой рукой; правую, синевшую старой татуировкой, он как бы ненароком сунул в карман сюртука.

Я слегка склонил голову и прикоснулся самыми кончиками пальцев к котелку.

– Благодарю, – улыбнулся и зашагал в указанном направлении, не став просить об уточнении маршрута.

Никакой необходимости в этом не было.

3

Роберт Уайт отыскался в «Винте Архимеда»; судя по распущенному шейному платку, одним графинчиком портвейна дело явно не ограничилось,

но настроение у инспектора от выпитого нисколько не улучшилось.

Есть такие люди – они прекрасно понимают, что пить не вправе, но пьют и оттого не чувствуют облегчения от алкоголя, а лишь еще больше мрачнеют. Роберт точно был из их числа, поэтому, прежде чем начальник успел открыть рот и прогнать меня взашей, я решительно уселся напротив и без промедления заявил:

– Готовится ограбление банка.

– Я велел тебе проваливать, – пробурчал инспектор, ожидаемо пропуская мои слова мимо ушей.

– Я выполнил ваше распоряжение, – напомнил я, снял темные очки и, сделав над собой определенное усилие, посмотрел собеседнику в глаза. – Инспектор, ограбление банка – это серьезно.

– Да ну? – скептически поморщился Роберт Уайт, но моя уверенность его все же зацепила. Налившиеся свечением глаза потускнели и вновь стали бесцветно-серыми. – Рассказывай! – махнул он рукой.

– Думаю, готовится подкоп под Банкирский дом Витштейна.

– Думаешь? С чего бы это тебя осенило?

Я в двух словах описал увиденное в иудейском квартале, а когда инспектор впал в глубокую задумчивость, обернулся и подозвал подавальщицу. Время было обеденное, и хозяину теперь помогали несколько шустрых девиц.

– Суббота… – пробормотал Роберт Уайт. – Ортодоксальному иудею нельзя работать в субботу, так? Но ведь он и не работал? Или открыть и закрыть ворота – это уже работа? А если там просто делают ремонт?

– Чтоб иудей привлек рабочих со стороны? – фыркнул я, наполняя стакан из выставленного на стол кувшина с лимонадом. – Да его потом заклюют! Нет, думаю, этот иудей не из общины.

– Опять думаешь, – скривился Уайт.

– Татуировка, – напомнил я. – На правой кисти у него была наколота змея. Или длинная рыба, точно не разобрал.

– И что с того?

– Ортодоксальный иудей никогда не пометит себя татуировкой. «И царапин по умершим не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе».

Инспектор уставился на меня с нескрываемым удивлением.

– Ты так хорошо разбираешься в Торе?

– Нет, просто разбираюсь в татуировках.

– Даже если это так, откуда уверенность, что целью является банк?

– А какие варианты? С одной стороны – бакалейная лавка, с другой – мастерская сапожника. Банк – точно напротив.

Роберт Уайт допил портвейн и гаркнул во всю глотку, перекрывая царивший в заведении гомон:

– Джимми!

Рыжий поспешно поднялся из-за углового стола и подошел к нам.

– Да, инспектор? – тягуче произнес он, оправляя мундир. Был констебль в легком подпитии, но на ногах держался уверенно и не шатался.

– Садись! – приказал ему Роберт Уайт и спросил: – Никто не болтал в последнее время о налете на банк?

– Нет, тишина, – мотнул головой констебль после недолгих раздумий.

– А что скажешь о высоком сутулом иудее с татуировкой то ли угря, то ли змеи на правой кисти?

На этот раз Джимми ответил без запинки:

– Ури Кац по прозвищу Вьюн. Получил пять лет каменоломен за взлом кассы, мог уже освободиться.

– Вот как? – удивился инспектор и приказал: – Разузнай о нем, Джимми. И хватит пить, похоже, у нас появились планы на вечер…

Я воспользовался паузой и принялся хлебать томатный суп, соленый и горячий.

На место выехали, когда город уже окутали сумерки, тихие и незаметные, словно вражеские лазутчики. Разъездной экипаж катил по Ньютонстраат, вдоль дороги сияли электрические фонари, но стоило только свернуть с нее, как враз сгустился мрак. Темень кое-как разгонял лишь скудный свет газовых ламп, которые к этому времени уже заканчивали разжигать бредущие с лестницами от столба к столбу фонарщики; потом пропали и они. В темных закоулках старых районов безраздельно царствовала Никта, разве что над дверями питейных заведений моргали одинокие фонари да из щелей рассохшихся ставень изредка пробивались тусклые лучики света.

Правил экипажем Джимми; он запалил керосиновую лампу, но та не столько освещала дорогу, сколько обозначала нас в ночной тьме. Иначе запросто могли столкнуться с кем-нибудь или затоптать вывалившегося под копыта лошадей пьяницу. Имелись у нас, разумеется, и электрические фонари, только использовать их было равносильно крику во всю глотку, что по улице катит полицейский наряд.

Ни к чему это. Тем более наш экипаж внешне не отличался от частных повозок, сам Джимми сменил мундир на обшарпанные брюки и клетчатый пиджак, а все остальные укрылись от нескромных взглядов внутри.

Роберт Уайт сидел на лавке прямой как штык, лишь беспрестанно бегавшие по верхней крышке электрического фонаря пальцы выдавали его беспокойство.

Рамон упер не заряженную пока еще лупару прикладом в пол, оперся на нее и клевал носом. Билли же придерживал отставленные к стенке самозарядные карабины, свой и приятеля, и размеренно пережевывал табачную жвачку. От этого его и без того скуластое лицо с широкой прорезью лягушачьего рта порой превращалось в совсем уж гротескную маску.

Я достал из кармана жестянку и закинул в рот леденец; оказался мятный.

– Испортишь зубы, – ухмыльнулся Билли, непривычно спокойный, словно опившийся опиумной настойки невротик.

– На свои посмотри, – скривился я.

Избавить от коричневатого табачного оттенка не мог никакой зубной порошок, но иного выбора любителям этой немудреной забавы не оставалось с тех самых пор, как производство патентованной каучуковой жевательной резинки встало из-за нехватки сырья. И ожидать улучшения ситуации с поставками каучука в ближайшее время не приходилось: плантации Цейлона и Зюйд-Индии не могли удовлетворить всех потребностей, а о возобновлении торговли с ацтеками даже речи не шло. Более того – если в Иудейском море начнется очередная заварушка, торговые суда и вовсе придется направлять вокруг Африки, ведь военные флоты Великого Египта и Персии способны перекрыть и Красное море, и Персидский пролив. Даже преимущество в воздухе не позволит организовать полноценное конвоирование торгового флота, поскольку, в первую очередь, дирижабли потребуются для поддержки наших крепостей на севере Аравийского острова.

Билли в ответ на мое замечание лишь усмехнулся, приоткрыл шторку и сплюнул на улицу. Рамон глянул ему через плечо, встрепенулся, прогоняя сонливость, и переломил стволы лупары. Затем вытащил из бандольеры солидный патрон со свинцовой пулей в алюминиевой рубашке и отработанным движением сунул его в один из патронников.

Для задержания обычных грабителей столь мощного оружия не требовалось, но неизвестно, с кем доведется повстречаться на темных улочках нашего беспокойного города. А пятьдесят грамм чистой смерти успокоят даже демона; ненадолго, но успокоят.

Главными недостатками четырехствольного монстра, произведенного на Оружейной мануфактуре Хейма, была сильная отдача и немалый вес. Во всем нашем отряде лишь Рамон не испытывал затруднений при обращении с этой махиной.

Тут раздался условленный стук в стенку, и сразу погасли отблески керосиновой лампы; Рамон зарядил последний патрон и поспешно защелкнул стволы.

– Подъезжаем? – уточнил он.

– Подъезжаем, – подтвердил инспектор и, откинув полу плаща, проверил, легко ли выходит из кобуры шестизарядная «Гидра».

Старший брат «Цербера» напоминал многоствольный револьвер и помимо чрезвычайной устойчивости к чарам малефиков и потустороннему воздействию инфернальных созданий – электричество сильнее магии! – отличался громоздкостью и крайне трудоемким процессом перезарядки, а посему особой популярностью среди полицейских не пользовался. Я и сам полагал, что инженерам «Оружейных заводов Теслы» стоило остановиться на трехзарядном «Цербере».

Экипаж начал замедлять бег, и тогда инспектор скомандовал Билли:

– На выход. Ты – на Михельсона.

Констебль распахнул дверцу, передал Джимми второй карабин и спрыгнул на брусчатку, в один момент растворившись в ночной тьме. Рыжий убрал винтовку на колени, потушил керосиновую лампу и натянул поводья, еще больше сдерживая бег лошадей.

Сунув темные очки в нагрудный карман, я расстегнул хлястик кобуры, вытащил «Рот-Штейр» и дослал в ствол патрон. А когда экипаж повернул на перекрестке, оставляя позади цирюльню, первым соскочил с подножки и метнулся к воротам. В один миг перевалился через них, сдвинул щеколду и приоткрыл, запуская в переулок инспектора Уайта и Рамона Миро.

Джимми направил карету к соседнему дому и остался сидеть на козлах с карабином в руках; роль караульного его всецело устраивала.

– Сюда! – позвал я за собой инспектора, и тот немедленно шикнул на меня:

– Не шумим!

Электрический фонарь начальник не включил, и до задворок цирюльни пришлось пробираться в кромешной тьме. Новолуние, чтоб его…

К счастью, на заднем дворе темень была уже не столь беспросветной, поэтому отыскать дверь черного хода удалось, минуя разбросанный тут и там хлам и строительный мусор.

– Только тихо! – вновь предупредил Роберт Уайт, когда я убрал пистолет в кобуру и просунул в щель между полотном и косяком прихваченный с собой ломик.

Я осторожно надавил, дверь едва слышно хрустнула и приоткрылась. Рамон с лупарой на изготовку первым перешагнул через порог, инспектор сунулся следом и поспешно щелкнул выключателем фонаря.

Яркий луч пробежался по задней комнате цирюльни – никого.

– Лео, проверь зал и жди здесь, – распорядился Роберт Уайт. – Рамон, мы на второй этаж. И ти-и-ихо!

Отложив ломик на буфет, я взял пистолет двумя руками и двинулся по коридору, стараясь по возможности не скрипеть рассохшимися половицами. Заглянул за занавеску, оглядел силуэты двух пустых кресел – чисто! – и вернулся в заднюю комнату дожидаться возвращения со второго этажа сослуживцев.

– Пусто, – отчитался я, когда инспектор спустился из жилых помещений наверху.

– Там тоже никого, – проворчал Роберт Уайт. – Надеюсь, ты не сбил нас с панталыку…

– Они, должно быть, в подвале! – возразил я.

– Давайте отыщем лестницу, – решил инспектор и высветил выходившие в прихожую двери.

За одной оказалась уборная, а вот вторая привела нас в комнату со штабелями мешков, туго-набитых и пыльных. Они занимали едва ли не все помещение целиком, свободным оставался лишь узкий проход у стены.

Я разложил нож, с тихим щелчком зафиксировал складной клинок и аккуратно вспорол плотную ткань; посыпалась земля.

– В яблочко! – выдохнул я тогда, не скрывая облегчения.

– В подвал! – оживился инспектор. – Прихватим их на горячем!

Мы осторожно пробрались по проходу к темному провалу в полу и окружили его, не зная толком, как быть дальше. Недолго думая, инспектор толкнул Рамона в плечо и указал на пол.

– Давай!

Констебль опустился на колени, отложил лупару на запыленные доски и заглянул вниз.

– Свет горит, – почти сразу сообщил он нам.

– Только тихо! Не спугните их! – азартно выдохнул Роберт Уайт, окончательно позабыв обо всех сомнениях на мой счет.

Ну в самом деле – оставлять свет на ночь в подвале цирюльни добропорядочному иудею совершенно не с руки.

– Пошли! Пошли! – скомандовал инспектор. – Быстрее!

Рамон скатился вниз первым, я без промедления метнулся следом, хоть обычно подвалы и не жаловал. Пугали они меня, до неуютного озноба, до мурашек на спине и дрожи в коленях пугали.

Но куда деваться?

Ходу!

Едва не наступая на пятки констеблю, я вбежал в небольшую каморку, чуть ли не наполовину заваленную огромной кучей земли. Здесь же валялись обломки разобранной кладки одной из стен, а немного дальше, за столом в круге света от висевшей под потолком «летучей мыши» сидел долговязый иудей, чью плешивую макушку больше не скрывала черная шляпа.

Заслышав шум шагов, он отставил кружку и обернулся, но при виде направленных на него стволов лупары обмер и совершать глупостей не стал.

– Руки! – шепнул Рамон, иудей повиновался.

Я обогнул кучу натасканной в подвал земли, шагнул через перевернутую тележку и присел рядом с проломом в разобранной стене. Осторожно заглянул в усиленный деревянными распорками лаз, там – одна лишь темень.

– Чисто, – сообщил Рамону.

– Инспектор! – позвал тот начальника, не отрывая от задержанного ни пристального взгляда, ни ружья.

Роберт Уайт без лишней спешки спустился в подвал, подошел к столу и взял лежавший на нем странного вида пистолет. Изогнутой рукоятью и открытым курком задняя часть непонятного оружия напоминала револьвер, в то время как компоновка передней копировала маузер «К63» с той одной лишь разницей, что здесь магазин был съемным.

– «Бергман», номер пять! – объявил инспектор и многозначительно добавил: – Совсем новенький.

Он повертел оружие в руках и как бы невзначай направил ствол на задержанного.

– Кто в подкопе? – спросил Роберт Уайт, большим пальцем играя со спицей курка.

Долговязый иудей шумно сглотнул и поспешно ответил:

– Никого.

– Двое? Трое? – уточнил Роберт, и глаза его стали белее мела и прозрачнее родниковой воды.

– Никого! – вновь соврал задержанный.

Инспектор небрежным движением сдернул с него сначала один накладной пейс, затем другой и с нескрываемой печалью в голосе произнес:

– Зачем ты лжешь мне, Ури?

Иудей задрожал, но оказался не в силах оторвать взгляд от глаз сиятельного. Он попытался отвернуть голову, не сумел и этого и как-то сразу весь поник.

– Двое, – признал злоумышленник.

– Вооружены?

– Да.

– Рамон, присмотри за ним, – приказал тогда Уайт констеблю.

– На колени! – немедленно распорядился констебль. – Руки на затылок, пальцы сцепить!

Инспектор Уайт удовлетворенно кивнул, положил пистолет на стол и подошел ко мне.

– Что у тебя, Лео?

Я глянул в темень пролома и невольно поежился:

– Кротовья нора. – Потом спросил: – Инспектор, вызовем Джимми и Билли?

– Разберемся сами, – отрезал начальник, выкрутил регулятор электрического фонаря на полную мощность и достал из кобуры «Гидру». – Вперед! – приказал он, когда яркий луч скользнул по дощатым распоркам и уперся в земляную стену.

Я с тяжелым вздохом забрался в лаз, согнулся там в три погибели и с пистолетом в руке начал продвигаться вперед. Инспектор пытался освещать дорогу, но ничего толкового из этого не выходило, поскольку луч то и дело упирался мне в спину.

Не выдержав, я обернулся и попросил:

– Дайте!

После, уже с фонарем, подобрался к месту, где лаз уходил в сторону, и обнаружил, что грабителям там попалась старая каменная кладка, они не сумели пробиться напрямик и были вынуждены забирать правее.

Ничего удивительного – Новому Вавилону без малого две тысячи лет; здесь история, где ни копни. И хоть постройки повсеместно разбирались для нового строительства, фундаменты попросту уходили под землю, и над ними возводились все новые и новые здания.

Не город, а мечта археолога. Но вот делать в таких условиях подкоп – затея гиблая. Теперь понятно, откуда взялось столь колоссальное количество выбранного грунта.

Я вплотную подобрался к повороту и облизнул пересохшие губы.

Было страшно. Даже очень. В темноте запросто могли притаиться грабители с пистолетами на изготовку или даже…

– Лео! – дернул меня инспектор.

Окрик стряхнул накатившее оцепенение, и оно сменилось раздражением и досадой; будто меня за чем-то неприглядным застали.

Терпеть не могу подвалы!

И наперекор дурным предчувствиям я шагнул за угол. Шагнул в полуприседе, с высоко поднятым над головой фонарем и заранее вскинутым пистолетом, но дальше оказался очередной коридор, проложенный вдоль каменной стены.

– Это дурно пахнет, инспектор, – прошептал я.

Уайт меня словно не услышал.

– Шевелись! – прошипел только в спину.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться макушкой об укреплявшую потолок доску, я возобновил движение, подобрался к следующему повороту и настороженно выглянул из-за угла, не заметил ничего подозрительного, а только шагнул дальше – и нога немедленно подвернулась на вывороченном из старой кладки камне; едва не упал.

Как оказалось, здесь грабителям посчастливилось отыскать в злополучной стене прореху, и они расширили ее в надежде срезать путь через заброшенное подземелье. А тяжеленные камни, в отличие от грунта, выволочь наружу поленились и попросту раскидали их кругом.

Тут я заколебался. История у иудейского квартала была не самая безоблачная, взломщики запросто могли наткнуться на чумное захоронение, а то и что похуже.

– Быстрее! – вновь заторопил меня инспектор.

Он был всерьез намерен перекрыть утреннее фиаско поимкой опасной шайки, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как повиноваться приказу и лезть в прореху частично разобранной стены. За ней темнел коридор. Не лаз, именно коридор.

– Осторожней, – предупредил я инспектора, тихонько ступая по неровному полу, засыпанному землей вперемешку с обломками камней.

Облегчая себе труд, бандиты раскидали здесь выбранный грунт, и теперь мои туфли при каждом шаге глубоко погружались в рыхлую массу.

Выдохнув беззвучное проклятие, я отправился на поиски злоумышленников, но вскоре остановился на развилке.

– Направо? – обернулся посоветоваться с начальником.

На полу было изрядно натоптано, и если налево уходила лишь одна цепочка следов и она же возвращалась обратно, то в противоположном направлении была протоптана настоящая тропинка.

Инспектор протиснулся ко мне, посмотрел на пол и подтвердил.

– Направо!

Освещая дорогу электрическим фонарем, я двинулся дальше. Роберт Уайт шумно сопел позади, и оставалось лишь уповать на то, что стволы «Гидры» опущены к полу, а не нацелены мне в поясницу.

Неровный пол, легкий спуск – но не делать же замечание начальнику?

– Быстрее! – вновь заторопился инспектор.

Я отвлекся на его нервный шепот и немедленно приложился макушкой о каменный выступ потолка.

– Дьявол! – прошипел, опускаясь на корточки от неожиданности и боли.

Раздосадованный начальник забрал фонарь и, не дожидаясь меня, решительно зашагал по коридору.

– Стойте! – выдохнул я ему в спину, отыскал сбитый с головы котелок и поспешил следом, но прежде чем успел нагнать, Роберт Уайт уже ворвался в зал с каменными колоннами, подпиравшими высокий потолок.

– Ури? – послышался недоуменный возглас. – Ури, поц, какого беса ты сюда приперся?!

Инспектор вскинул руку с «Гидрой», беря на прицел застигнутого врасплох злоумышленника, и скомандовал:

– Руки вверх! Бросай оружие!

В ответ раздался явственный щелчок взведенного курка; и раздался он в противоположном углу, у инспектора за спиной!

– Сам бросай! – сипло выдохнул второй грабитель, выступая из-за каменной колонны с пистолетом в руке.

Его напарник вмиг воодушевился и выхватил карманный кольт.

– Съел, легавый? – оскалился он.

Инспектор к подобному повороту оказался не готов и замер в замешательстве, а вот я колебаться не стал.

Выступил из коридора, крикнул:

– Полиция! – И для пущего эффекта пальнул в потолок.

В ответ хлопнула пара выстрелов; Роберт Уайт осел на кучу щебня с простреленной грудью, детектив-констебль Орсо выронил дымящийся пистолет и мешком повалился на пол. Во лбу у него зияла черная дыра, он умер мгновенно. А вот инспектор скреб ногами по камням и никак не желал подыхать. Кровь пузырилась на его губах, и все же упрямец собрался с силами и приподнял

руку с пистолетом.

Тогда я прострелил ему голову. Просто вскинул «Рот-Штейр», прицелился и потянул спуск. Будто на стрельбище.

– Дерьмо, – выдохнул инспектор Уайт.

– Дерьмо, – подтвердил я, вытащил из кармана жестянку с леденцами и дрожащей рукой отправил в рот первую попавшуюся конфету.

Роберт осветил кучу щебня с грабителем, который после смерти вновь стал самим собой, затем перевел луч фонаря на его подельника. Смерть вернула истинный облик и ему.

– Как?! Как ты это сделал? – потребовал ответа инспектор, машинально ощупывая собственную грудь, совершенно невредимую. – Как ты заставил их убить друг друга?

Я пожал плечами, вроде как беспечно.

– Они боялись. Боялись налета полиции, боялись обвала, боялись удара в спину от ненадежных подельников. Я просто воспользовался их страхами, заставил их видеть то, чего нет. Это мой талант, вы же знаете.

– Но я тоже это видел! – рявкнул Роберт Уайт, с шумом переводя неровное дыхание. – Проклятье! Я видел, как ты застрелил меня! Ты! Меня!

– Страх есть в каждом, – спокойно подтвердил я. – Неужели вы никогда не задумывались о возможном ранении или даже гибели? Уверен, вы опасаетесь этого, как и все остальные. Издержки профессии.

– Хочешь сказать, будто способен менять силой мысли саму реальность?

– Скорее, силой воображения. У меня чрезвычайно живое воображение. – Я посмотрел на подстреленного грабителя и покачал головой. – И нет, для изменения реальности моих сил недостаточно. Я лишь слегка перелицевал ее, только и всего.

О том, каким именно образом чужие страхи питают мой талант, говорить не стал. В противном случае разговор мог зайти слишком далеко; обвинение в черной магии – это серьезно даже для сиятельного.

Инспектор только покачал головой и убрал пистолет в кобуру. Я последовал его примеру и спросил:

– Что теперь?

– Не знаю, – ответил Роберт Уайт и осветил подземный зал. – Не вижу пролома в банк.

– Возможно, его еще не выкопали?

– Или он не здесь, – решил инспектор и позвал меня за собой: – Идем! Эту падаль отправим в морг утром.

Оставив мертвецов на залитом кровью полу, мы вернулись к развилке и зашагали по второму коридору. Вскоре Роберт Уайт замедлил шаг и поднял фонарь, направляя яркий луч в черный зев пустого дверного проема. Тьма сразу попряталась по углам небольшого зала с высоким куполом потолка, и мы увидели ряды запыленных скамей, каменных и отшлифованных лишь сверху.

– Проверь! – приказал инспектор.

После недавнего инцидента желания лезть напролом у него изрядно поубавилось.

Прежде чем шагнуть внутрь, я на всякий случай вытащил из кобуры «Рот-Штейр», но оружие не понадобилось: в небольшом помещении никого не оказалось, как не оказалось и другого выхода.

Тупик.

Тупик – да, но что это за помещение?

– Странно… – пробормотал я, возвращая пистолет в кобуру.

– Что там у тебя? – Инспектор протиснулся мимо меня и повертел фонарем из стороны в сторону. – Похоже на заброшенную часовню, – объявил он и решил: – Давние дела.

– Вполне вероятно, – кивнул я, соглашаясь. – Посветите туда, будьте любезны! – попросил я начальника, указав в конец помещения, где, по моим предложениям, некогда находился алтарь.

Роберт Уайт небрежно мазнул лучом фонаря по дальней стене и направился на выход.

– Идем! – позвал он, но я не смог даже слова вымолвить, будто паралич разбил.

Да паралич и разбил. Ведь на меня взирал падший.

Прямо здесь и сейчас он смотрел на меня, и его бездонные глаза вбирали в себя всю тьму, злобу и несправедливость этого мира; всю – и немного сверху.

Впрочем, немного ли?

Не уверен…

Сознание вернулось хлесткой пощечиной.

– Детектив-констебль! – прорвался в забытье рык инспектора. – Очнитесь немедленно!

Я жадно глотнул воздух и отполз к ближайшей скамье, там уселся на пол, прислонясь к ней спиной, и стиснул ладонями виски в жалкой попытке не дать взорваться многострадальной голове.

– Что с тобой, Лео? – Роберт Уайт опустился на корточки и потормошил меня за плечо. – Что случилось?!

– Падший, – выдохнул я. – Там…

Инспектор обернулся к дальней стене, затем уставился на меня с нескрываемым раздражением.

– Ты бредишь, Лео? – язвительно поинтересовался он. – Это просто статуя!

– Вовсе нет! Это падший, говорю вам!

Роберт Уайт озадаченно хмыкнул и снова осветил стену.

– Это статуя, – заявил он после недолгой заминки, но уже не столь уверенно. – Странная статуя…

Изваяние и в самом деле поражало своей неправильностью. Оно было проработано до мельчайших деталей, буквально до каждой ворсинки, волоска, складки мраморной кожи, – но только выше пояса. Ноги скрывались в стене, более того – их не вмуровали, они просто сплавились с кладкой в единое целое, словно падший рвался на волю и лишь самую малость не успел освободиться из каменного плена.

– Разве вы не чувствуете, инспектор? – спросил я, переборол слабость и оперся о скамью. Поднялся с пола и повторил вопрос: – Разве вы не чувствуете?

На падшего лишний раз старался не смотреть. Если начистоту, старался не смотреть вовсе. Падший, пусть даже и в каменном обличье, давил ощущением беспредельного могущества и острой чуждости этому миру. Каждая черта каменного лица поражала своим совершенством, но все вместе они сливались в нечто столь идеальное, что ничего человеческого в застывшей маске не оставалось вовсе.

Идеал без малейшего изъяна.

Мертвый идеал.

И этот идеал подавлял.

– Не чувствую чего? – не на шутку разозлился Роберт Уайт. – Ты бредишь, Лео!

– Вы же сиятельный! Вы не можете этого не ощущать!

Инспектор ожег меня гневным взглядом, подступил к статуе и решительно приложил ладонь к каменной груди. Я невольно проследил за ним взглядом и сам не заметил, как моим вниманием вновь завладело мраморное изваяние; завладело целиком и полностью. Падший увеличился в размерах, заполоняя собой все помещение, его раскинутые в разные стороны каменные крылья засветились изнутри янтарным сиянием, но в часовне от этого стало лишь темнее. И глаза… черные глаза больше не были мертвы, их заполонила беспредельная тьма. Тьма и нечто еще, нечто вроде презрительного недоумения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pavel-kornev/siyatelnyy-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити